

Е.В. Амелина

Анализ стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума»

Если пушкинские стихотворения полны светлых надежд, то в стихах Лермонтова, по замечанию Белинского, «уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадно-стию, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни, но есть вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце...».

Причины лермонтовского пессимизма многосторонни. Здесь сказала и сама эпоха 1830-х годов, время «печального холопства», и особенности мировосприятия поэта-романтика, и особенности душевного склада Лермонтова, его внутренняя противоречивость, чувствительность, одиночество, «болезненная живость “аффективной памяти”» (Д.Н. Овсяннико-Куликовский).

Все это породило в поэте особый интерес к теме героического прошлого России («Бородино», «Песня... про купца Калашникова»), которому он противопоставляет бесславное настоящее.

Необычайно остро мотив этот мы ощущаем в стихотворении «Дума», где поэт критически оценивает, судит свое поколение, живущее в «бездействии», в безыдейности.

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Поколение 1830-х годов оказалось пассивным, не способным к действию, к борьбе. Оно «постыдно равнодушно» к добру и злу, к созданиям искусства, к мечтам поэзии. Ум этих людей иссушен «наукою бесплодной», юные силы — растрочены, живые, подлинные чувства — загублены. Поэт возмущен малодушием и безынициативностью своих современников:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны
И перед властью — презренные рабы.

Жизнь этого поколения бесполезна:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Чувства людей 1830-х годов, их суждения лишены самостоятельности, зависят от внешних обстоятельств. Душевная холодность сочетается в них с избытком энергии, с неуемной жаждой жизни:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

Образ поколения, созданный Лермонтовым, перекликается с образом Печорина («Герой нашего времени»). Печорин — это также портрет, «составленный из пороков целого поколения». Имея незаурядные способности, ум, волю, он не может реализовать себя в жизни, не имеет в ней цели, не видит смысла. Душа Печорина «испорчена светом», он «томится жизнью, презирает ее и самого себя, носит в себе какую-то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем ненасытимых», и, вместе с тем, он «гонится за

жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаяниями». Печорин не способен к любви, дружбе, он ни во что не верит, надеясь лишь на самого себя. Окружающим он приносит лишь несчастья, да и сам так и не находит спасения ни в чем и ни в ком. Печорин умирает в Персии, не оставив никакого следа в жизни, кроме нескольких страниц своего дневника. Здесь у Лермонтова возникает мотив нарушения преемственности поколений, мотив чудовищного разрыва «отцов» и «детей».

Этот же мотив звучит и в «Думе». Поколение 1830-х годов ничего не наследует у своих предшественников, и вместе с тем, ему нечего завещать потомкам.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Нам миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Здесь поэт предъявляет требования не только бездействующему, пассивному поколению, но и самой эпохе, которая не дает людям раскрыть свои таланты, способности, устремления.

С точки зрения жанра стихотворение сочетает в себе черты сатиры и элегии. Стихи здесь становятся декламационными, приобретают ораторский пафос. Композиционно мы имеем здесь развитие одной темы — темы поколения 1830-х годов. Начиная с конкретной характеристики поколения, Лермонтов в финале выходит на более широкий тематический уровень — след, оставленный этими людьми, в мире, в жизни, роль поколения в истории. В стихотворении выделяются три части. Первая часть — это задание темы, общая обрисовка поколения. Здесь поэт пока еще отделяет себя от этих людей — здесь выделяются «я и они». Во второй части это противопоставление снимается — «я» и «оно» (поколение) здесь объединяются в «мы». Как замечает Ю. Лотман, центральная часть стихотворения построена на контрастах и оксюморонах: «В начале поприща мы вянем без борьбы», «И ненавидим мы, и любим мы случайно, Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, И царствует в душе какой-то холод тайный, Когда огонь кипит в крови». Третья часть — заключительная. Это обобщение, вывод из рассуждений центральной части. И в начале стихотворения, и в финале его возникает тема будущего — в этом смысле, думается, мы можем отметить подобие кольцевой композиции.

В «Думе» мы находим оценочные эпитеты, придающие стихотворению эмоциональность: «презренные рабы», «пришлец осиротелый», «наукою бесплодной», «надежды лучшие», «голос благородный», «холод тайный», «толпой угрюмою и скоро позабытой», «насмешкой горькою». Этой же цели способствует и двойное сравнение: «И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, Как пир на празднике чужом». Образность стихотворения усилена метафорами («В начале поприща мы вянем без борьбы», «Мы иссушили ум наукою бесплодной»), гиперболой («Богаты мы, едва из колыбели, Ошибками отцов»).

Обличительные интонации, ораторский пафос стихотворения, публицистичность — все это требовало «высокой» лексики. Лермонтов использует слова «высокого» стиля: «грядущее», «под бременем», «презренные», «поприща», «прах», «гражданина».

Стихотворение было высоко оценено современниками поэта. Белинский писал:

«Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?.. Если под сатирую разумеет не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества, — то «Дума» Лермонтова есть сатира...»